

Paloma Sánchez-Garnica

LAS TRES
HERIDAS

Палома Санчес-Гарника

ТРИ РАНЫ

Москва
2025

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)6-44
С18

Перевод с испанского Михаила Емельянова

*В оформлении обложки использована картина
Мартина Рико-и-Ортеги «Испанский сад».*

Санчес-Гарника, Палома

С18 Три раны / П. Санчес-Гарника ; [пер. с исп. М. Емельянов]. —
М. : Эвербук/Дом историй, 2025. — 672 с. — (Галерея: семейные саги).

ISBN 978-5-0058-0654-3

Писатель Эрнесто, вечно ищущий вдохновения, приобретает на блошином рынке металлическую коробочку, внутри которой фотография молодой пары у фонтана с подписью: Мерседес и Андрес, Мостолес, 19 июля 1936 года, и несколько писем, перехваченных бечевкой.

История возлюбленных, разлученных войной, разворачивается перед Эрнесто как на ладони. Став невольным свидетелем трех ран, от которых пострадали многие в то время: любви, жизни и смерти, он наконец готов написать великий роман.

«Три раны» — это эпохальный исторический роман о том, ради чего можно жить и умереть.

**УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)6-44**

© Paloma Sánchez-Garnica, 2012
© Емельянов М., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Эвербук», Издательство «Дом историй», 2025
© Макет, верстка. ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2025

ISBN 978-5-0058-0654-3

Маноло, с благодарностью за всё и за столько

Она нанесла три раны:
боль любви,
рану смерти
и жизни.

Три раны она берedit:
рану жизни,
любви,
рану смерти.

Три раны в сердце моем:
это жизнь,
это смерть
и любовь¹.

Мигель Эрнандес

Если тебя я
вдруг потеряю...
Я под землю,
мрачной землю
моего тела
встречусь с тобою².

Мигель Эрнандес

---

¹ Перевод Е. С. Гончаренко. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. перев.*

² Перевод Е. С. Гончаренко.

ПОЧЕМУ ЭТА КНИГА НАЗЫВАЕТСЯ «ТРИ РАНЫ»?

В названии «Три раны» содержится отсылка к одноименному стихотворению Мигеля Эрнандеса. Меня всегда поражало, сколько и с каким чувством можно сказать столь малым числом слов.

Три короткие строфы, в которых в разном порядке тасуются три слова, три раны: любви, жизни и смерти. И единственная подсказка, задающая тон каждой строфе: «...нанесла», «...бередит» и «...в сердце моем». Поэт с болью говорит о своих чувствах, о том, как отозвалась в нем братоубийственная война. Как и многие испанцы, он убежден, что, если бы не война, его жизнь не оказалась бы разодранной в клочья, не было бы разлуки с любимыми, с родней. Если бы не война, он никогда не изведал бы ужаса потери первенца, его второй ребенок не был бы вынужден мучиться от голода, а сам он не столкнулся бы с чудовищной несправедливостью тюрьмы и не погиб от злополучной болезни. Смерть Эрнандеса стала еще одной глубокой раной для его вдовы и наполовину осиротевшего сына, лишившихся, подобно многим другим, овдовевшим и осиротевшим, отцовской, материнской, сыновней, супружеской или дружеской любви и поддержки. Они выжили, но были обречены несправедливой преждевременной смертью своих близких на совершенно иную, новую жизнь.

Война глубоко изранила жизни многих ни в чем не повинных людей, растоптала их настоящее и будущее, планы, мечты и стремления. Убила любовь: люди погибали, пропадали без вести, эмигрировали, исчезали из памяти. Злосчастная война привела с собой незваную безвременную смерть. Она пришла, когда еще оставалось столько сил, чтобы дышать, чтобы отдавать и принимать, и нанесла смертельную рану и тем, кто пал, и прежде всего тем, кто остался, обрекла их до конца дней оплакивать предательскую смерть, лишившую их жизни и любви.

КОГДА ВСЕ ЭТО ЗАКОНЧИТСЯ...

Вокруг было слишком темно, чтобы разглядеть что-то на фотографии, но Андрес Абад Родригес помнил ее в мельчайших подробностях: Мерседес Манрике Санчес стоит у фонтана «Рыбы». На ней короткое светлое платье (в красный цветочек, но на фотографии цветы получились темно-серыми) с маленьким кружевным воротничком и вставкой от груди книзу для уже слегка округлившегося животика. Девушка застенчиво смотрит в фотоаппарат, рука уперта в бедро, голова склонена набок, а на лице — счастливая и спокойная улыбка человека, не ведающего о нависшей над ним буре. Старый фотоаппарат-гармошка подарил Андресу возможность сберечь этот образ, поддерживавший в нем жизнь на протяжении двух с половиной лет ада. Он нежно и очень бережно погладил фотографию и закрыл глаза, представляя себе Мерседес. Его постоянно терзали голод, жажда и усталость, но именно ее отсутствие причиняло действительно непереносимую боль, усугубляющуюся абсолютным неведением того, что происходит с ней и его ребенком, которого Андрес никогда не видел. Он даже не знал, мальчик ли это, как он всегда мечтал, или девочка, как хотела она.

Три месяца назад их перевели из Нуэво-Бастана (где они два года тянули недостроенную железнодорожную ветку, копали бесполезные окопы и никому не нужные брустверы) в старый заброшенный профилакторий

близ Лас-Росас, неподалеку от дороги на Ла-Корунью и подконтрольной мятежникам территории. Изначально в приказе говорилось о переводе всего батальона в Навасерраду, но, когда они вышли к шоссе, их загнали в это неприглядное место вдали от цивилизации. Дни проходили в безделье, из-за чего время тянулось невыносимо медленно. Неприкаянность и скука, заставлявшие проводить часы в бесплодных раздумьях, изматывали куда больше, чем изнурительный труд, за которым следовала ночь беспробудного сна. Неудачи республиканцев на фронте становились отчетливее с каждым днем, среди ополчения начинало зреть недовольство. Хотя официальных подтверждений не было (по крайней мере, им об этом никто не сообщал), ходили слухи, что Барселона пала, практически не оказав сопротивления, что националисты победным маршем шли по Каталонии и что сотни тысяч республиканцев самого разного толка бежали к границе с Францией. Ну а пока решалась судьба победы в чуждой ему войне, Андрес уже больше двух лет, страдая от голода, невыносимой жары и холода, вкалывал на принудительных работах во благо Республики, как говорили их конвоиры. Он постоянно думал о побеге из этого ада, но не мог решиться, потому что его спасение означало бы неминуемую смерть для его брата и еще одного вечно несчастного малого по имени Кандидо Касас. И все же за два месяца на новом месте он смог сориентироваться в округе и знал, что находится достаточно близко от Мостолеса, чтобы рискнуть. Если идти всю ночь и вернуться на рассвете, хватит времени, чтобы повидаться с Мерседес, пусть хотя бы всего на мгновение, и увидеть ребенка, о котором Андрес не переставал думать: это существо выбрало самый неудачный момент, чтобы прийти в этот мир. Он все тщательно спланировал. Если выйти после вечерней поверки, когда все будут спать, и идти до утра, можно вернуться до утреннего построения. Он крутил в голове не раз хоженные, хорошо известные ему тропы. Десятки раз он пробирался от Мостолеса до Лас-Росас на крупе своей мулицы

Кордобесы. Выехав на рассвете, он уже к полудню был на месте, и это несмотря на то, что животное шло невероятно медленно и неохотно. Так что, если поторопиться, можно уложиться в пять часов и вернуться до переключки. К тому же завтра воскресенье, а по воскресеньям построение проводили позже. Отсутствие Мерседес терзало его, и только мысль о возможном свидании смягчала эту боль. Он хотел обнять ее хоть на мгновение — этого было достаточно, чтобы вернуться и вынести все последующие испытания.

Несмотря на все риски, Андрес полагал, что справится. Охранники на новом месте были не такие бдительные, их, казалось, больше занимала собственная судьба, чем вверенные их попечению заключенные. Андрес не хотел делиться планами с братом, зная, что тот попытается отговорить его. Клементе был на три года старше и всегда считал своим долгом защищать Андреса. Призывал к терпению, когда отчаяние и слезы бессилия наполняли глаза Андреса, уставшего на протяжении долгих тридцати месяцев каждый день ждать смерти, жить одним днем, одной неделей.

— Когда все это закончится, мы вернемся домой, и ты снова увидишь Мерседес, своего ребенка, а я смогу обнять Фуэнсислу и буду рассказывать сказки моим детям, водить их к Роману смотреть на лошадей. Все будет как раньше.

— Когда все это закончится... — бормотал Андрес, потерянно и отчаянно повторяя за братом... — Когда все это закончится...

— Мы должны бороться, Андрес, должны выжить... Все будет как раньше...

Клементе умолкал, потому что слова застревали у него в гортани. Все знали, что эта долгая и абсурдная война навсегда изменила тех, кому удалось в ней выжить.

Андрес Абад лежал на неудобной, грязной и вонючей койке, прижимая фотографию ладонью к груди, и терпеливо выжидал подходящего для побега момента.

Он поднял голову и огляделся. Все, казалось, спали: сто с лишним мужчин лежали, нарушая ночную тишину храпом, кашлем, хрипом и шумом выпускаемых газов. Их сон не был спокойным, он лишь избавлял на время от накопившейся усталости, резей в желудке и бесконечного ожидания, составлявших теперь их жизнь. Андрес убрал фотографию Мерседес под одежду и медленно приподнялся, стараясь не скрипеть ржавыми пружинами под тощим матрасом. Сев, еще раз окинул взглядом огромный зал с высокими облупленными стенами, покрытыми потеками влаги. Через большие окна без стекол, кое-где заткнутые картоном и одеялами, сочился ледяной воздух. Десятки железных коек стояли рядами, плотно прижавшись друг к другу, между ними оставался узенький проход, по которому едва можно было протиснуться. Медленно поднявшись, он собрался сделать первый шаг и тут же почувствовал, как его схватили за руку.

— Куда собрался?

Клементе крепко вцепился в него, словно догадываясь о его намерениях.

— Отлить.

Он почти не видел лица брата, но чувствовал его недовольство.

— Я быстро... — пробормотал он, пытаясь вырваться, но Клементе схватил его еще крепче.

— Андрес, предупреждаю тебя, не вздумай делать того, о чем потом пожалеешь...

Тяжелые уверенные слова брата вонзились в грудь подобно ножу. Хватка пальцев на запястье постепенно ослабла, и он снова оказался свободен. Двое мужчин смотрели друг на друга в душном густом полумраке, в мертвой и горькой тишине, словно прощаясь. Сердце Андреса разрывалось.

Клементе вытянулся и повернулся к нему спиной. Только тогда Андрес начал пробираться к выходу, выискивая между кроватями место, куда наступить. Койки стояли так тесно, что он ободрал себе ногу. Добравшись

до окна, он, несмотря на сильный холод, весь взмок и тяжело дышал. Опершись спиной на стену, Андрес постарался успокоиться. Судя по всему, никто не обратил внимания на его ночные хождения по барaku. Взяв себя в руки, он осторожно выглянул на улицу и посмотрел по сторонам. На небе не было ни облачка, туман, на протяжении нескольких дней укрывавший окрестности белой непроницаемой дымкой, развеялся. Свет полной луны мягко освещал местность вокруг импровизированной тюрьмы. Охраны не было. Андрес выпрыгнул наружу и, приземлившись, почувствовал, как что-то острое вонзилось ему в пятку. Ему пришлось прикусить губу, чтобы не закричать. Напрягшись всем телом, он медленно выдохнул, выгоняя резкую боль вместе с воздухом из легких. Беглец спрятался в кустах и тихо ощупал свою ногу. Из раны уже начала сочиться кровь. Оторвав кусок рубашки, он использовал его вместо бинта. Надел альпартаты¹ и отправился в путь. Вдалеке слышались голоса тюремщиков. Прихрамывая, он осторожно проскользнул вдоль стены и высунулся, чтобы взглянуть на пост охраны. Все было спокойно. Андрес пригнулся, пошел вперед и, только когда удостоверился, что никто его не увидит, выпрямился и посмотрел на небо, чтобы сориентироваться. Ему нужно было идти на юг. Он отлично знал все дороги, но предпочел не пользоваться ими, а идти горами, определяя путь по звездам. В детстве отец учил его, как не заблудиться, и всегда говорил, что ночью нужно сначала глядеть на небо, а потом — под ноги. Андрес шел легким ровным шагом, чтобы не устать раньше времени и сберечь силы на обратную дорогу. Холод словно хлыстом стегал его изнуренное тело. Чтобы хоть немного согреться, он обхватил себя руками. Пятка болела каждый раз, когда он опускал ногу, тонкая веревочная подошва альпартат почти не защищала от камней.

---

¹ Обувь испанских крестьян и простолюдинов, сделанная из джутовой веревки и ткани.

Он старался об этом не думать. Безжалостные последние месяцы, в течение которых ему каждый день приходилось перебарывать боль, научили хорошо контролировать это неприятное чувство.

Примерно через километр он вышел к дороге на Лакорунью. Дальше следовало двигаться максимально осторожно. Он знал, что националисты держат это направление под контролем и перекрыли движение на Мадрид, поэтому опасность натолкнуться на патруль была очень высока. И все же, чтобы продолжить путь, нужно было перейти на другую сторону. Он внимательно прислушался, все было спокойно. Сжавшись, подобно испуганному животному, осторожно скользнул вперед под звуки часто бьющегося сердца, боясь в любой момент услышать щелчок взводимого курка, окрик или свист пули. Оказавшись на противоположной обочине, бросился на землю, чтобы восстановить перехваченное страхом дыхание. Тишина оставалась его единственным спутником. Оглянувшись назад на пройденный путь и не смог поверить, что дорога казалась ему такой широкой. Затем решительно повернулся и отправился к цели, выискивая наиболее подходящие тропки и не теряя из вида горизонт, слушая, как хрустят ветки под его ногами, как шумит воздух в его груди, чувствуя на лице теплый пар, вырывающийся изо рта, и обходя в ночной мгле подозрительные источники шума.

Спустя несколько часов одинокого продвижения вперед Андрес увидел, как из ночного полумрака перед ним величественно выступает силуэт замка Вильявисьоса. До места оставалось чуть менее часа. Он поддал ходу, подгоняемый желанием дойти до дома и снова увидеть Мерседес. Усталость давала о себе знать, икры гудели от долгой работы, тело одеревенело от холода. Но сильнее всего донимала жажда: язык прилип к небу, горло пересохло.

Слева возникло здание железнодорожной станции Мо-столес. Село казалось вымершим, погруженным в гробовую тишину. Он прошел по улице Сото, пересек Кристо,

вышел на дорогу к казино и, наконец, добрался до церковной площади. Сбавляя шаг, приблизился к дверям своего дома. Его раздирали противоречивые чувства, разжигавшие внутреннее беспокойство: с одной стороны, он мечтал обнять Мерседес, вдохнуть запах ее волос, коснуться ее кожи, с другой — сам не понимая почему, боялся не найти вообще никого или обнаружить, что случилось что-то тяжелое и непоправимое.

Улица Иглесиа была узкой. Подойдя к двери, он почувствовал, что что-то не так. Не постучав, он положил руку на доски, толкнул и, к своему удивлению, увидел, как дверь с пронзительным и жалобным скрипом открывается. С тревожным сердцем он шагнул вперед, и под ногами захрустело стекло. Присмотревшись, он увидел в смутном полумраке, что весь пол завален обломками и мусором. Пройти дальше не получилось. Дрожащим голосом он позвал Мерседес, но ответом ему была болезненная тишина. Поднял глаза, и душа его рухнула вниз: крыши не было, на ее месте зиял провал, сквозь который светили звезды. В тени виднелись разбитые деревянные балки. В панике, качаясь, Андрес вышел из дома, часто дыша. Растерянно и испуганно он заозирался по сторонам и подумал о своем дяде Маноло. Уже не заботясь о том, что кто-то может увидеть его, он побежал. Добравшись до дороги на Лас-Вакас, остановился, молясь, чтобы дом его дяди не оказался разрушенным. Увидев, что тот цел, задышал спокойнее. Вернулся назад той же самой дорогой, вскарабкался на каменную стену, отгораживавшую двор, и спрыгнул внутрь. Рана на ноге ныла так, словно в нее вонзили раскаленный гвоздь. Андрес застыл на мгновение, прислушиваясь, не шумит ли где, но вокруг царил ночная тишина. Втянул носом запах сена и вздрогнул, захваченный воспоминаниями о прошлом, которое казалось таким далеким. Словно вечность прошла с тех пор, как он последний раз был в этом месте. Он пересек двор и подошел к двери на кухню. Обхватил ручку, хотел

повернуть, и тут же почувствовал, как в затылок уперлось холодное железо.

— Ну и куда ты лезешь?

Узнав голос дяди Маноло, Андрес облегченно сглотнул слюну.

— Это я... — пробормотал он дрожащим голосом, не двинув ни мускулом, чтобы не схлопотать пулю. — Дядя, это я, твой племянник... Андрес...

— Боже правый...

Давящий на затылок холод исчез, и Андрес медленно обернулся, различив в полумраке смутный силуэт дяди с ружьем в руках.

— Боже правый, — повторил старик. — Я уж думал, ты...

Андрес нервно перебил его.

— У нас все в порядке. Клементе со мной...

Старый Маноло оглянулся, пытаясь увидеть второго племянника.

— Нет, не здесь, — уточнил Андрес.

— А где же?

— Сначала нас определили под Бастан, там мы строили железную дорогу в Валенсию. А два месяца назад перевели в одно место неподалеку от Лас-Росас, где мы и торчим без дела в старом профилактории в горах. Фермин Санчес тоже с нами.

— Фермин жив?

Старый Маноло улыбнулся. Фермин Санчес был его другом. Его арестовали семь месяцев назад, когда он пытался пробраться в Мадрид с мешком муки для своих жены и сына, квартировавших у одной из своячениц близ моста Принсеса.

— Боже правый, какие хорошие новости... Когда он не вернулся, я уж боялся худшего... Думал, что он мертв.

Андрес опустил взгляд в пол и глупо улыбнулся.

— Да... Ну пока что мы все выживаем, как можем.

— А ты что, сбежал?

— Да, но я должен вернуться до утренней переключки.

Двое мужчин говорили шепотом, вдруг рядом раздался лай собаки, заставивший их вздрогнуть. Дядя Маноло взял племянника за руку и открыл дверь на кухню.

— Заходи. Ты, наверное, голоден.

Андрес медленно вошел внутрь, впервые за долгое время ощутив себя дома. Глубоко вдохнул, наслаждаясь знакомым запахом. Кухня была погружена в мягкий полумрак, разбавленный лишь просачивавшимся через окно отсветом луны. Кухонная утварь и мебель были на своих местах, все осталось так, как он помнил: справа под окном вплотную к стене стояли выкрашенный зеленой краской деревянный стол и три плетеных стула. Напротив располагался очаг, а над ним — огромный белый дымоход. Раньше здесь всегда горел огонь, но сейчас он погас и очаг казался глубокой черной дырой. На изгибе дымохода, как на полке, выстроилась по размеру батарея кастрюль, поддюжины облупившихся фаянсовых тарелок, стаканы и две сковороды, огромная и маленькая, зацепленные за два железных крюка.

— Пойду принесу дров и разожгу огонь, чтобы ты немного согрелся, — сказал старик, удивительно легко перемещаясь в темноте. — Дрова теперь на вес золота, поэтому приходится их прятать.

— Не нужно, дядя. У меня почти нет времени, я скоро уйду. Дай мне попить, пожалуйста, я умираю от жажды.

Старик на мгновение остановился и посмотрел сквозь полумрак на племянника. Зажег свечу, стоящую в подсвечнике на столе, и затворил ставни, чтобы никто с улицы не смог их увидеть. При свете дрожащего огонька глаза двух мужчин встретились, обнажив страдания, перенесенные за месяцы голода и нищеты.

— Сядь.

— Я очень хочу пить, — настойчиво повторил Андрес.

Старик поставил на стол стеклянную бутылку, на четверть наполненную вином.

— Выпей немного, это то, что тебе нужно. А я схожу принесу воды из колодца.

Андрес взял бутылку, вытащил пробку, отхлебнул и тут же почувствовал, как загорелись огнем ранки у него во рту. С трудом проглотив вино, он тяжело задышал, пытаясь умерить жжение.

— Что стряслось? Неужто ты разучился пить вино?

— Рот весь горит.

Старик вышел во двор и, немного спустя, вернулся с полным кувшином воды. Андрес схватил его и начал жадно пить. Когда он закончил, на столе уже стояла тарелка с горой фасоли и картошки. Он уставился на нее непонимающим взглядом, словно не в силах поверить своим глазам.

— Давай, ешь, — подтолкнул его старый Маноло. — Еда холодная, но не думаю, что тебя это остановит.

Андрес проглотил две тарелки фасоли, намазал сала на кусок белого хлеба, съел сыра и айвового варенья. Пока он набивал живот, никто не произнес ни слова. Андрес был не в состоянии думать ни о чем, кроме своего голода. Старый Маноло удовлетворенно смотрел на него.

В какой-то момент Андрес почувствовал, что его желудок сейчас лопнет. Поморщившись от боли, он откинулся на стуле.

— Все? — спросил его старик, скупно улыбнувшись и подняв брови.

— Видит Бог, я больше не могу. Сейчас лопну.

— Вам, наверно, крепко досталось.

— Ты даже не представляешь себе, насколько...

— Здесь тебе нечего бояться. Можешь отсидеться в погребе...

— Я уже сказал тебе, что должен вернуться.

— Ты что, на самом деле собираешься обратно? С ума сошел? Сбежал из тюрьмы и снова хочешь под замок?

— Если я этого не сделаю, завтра они убьют Клементе и одного шестнадцатилетнего паренька. Я не могу остаться.

Голос Андреса был исполнен такой решимости, что старик умолк. После непродолжительной тяжелой тишины Андрес со стоном продолжил.

— Они хорошо придумали, как сделать так, чтобы никто не убежал. Если при проверке кого-то недостает, они убивают предыдущего и следующего по списку.

— Тогда зачем ты здесь? Чего ради так рисковать?

— Я ходил в дом Николасы.

Старик удивленно поднял брови.

— Туда же не войти. Бомба... — и он замолк, не в состоянии подобрать нужные слова. — Сначала одни пытались выбить других, потом другие — этих, и все вместе разнесли полсела по камешку.

— Где Мерседес, что с моей женой?

Маноло помрачнел и опустил глаза к черному провалу очага.

— Через несколько дней после того, как вас забрали, они с Николасой уехали в Мадрид. Здесь было небезопасно.

— В Мадрид? Куда?

— Дон Онорио пристроил их в дом одного знакомого врача.

— Они в порядке?

Старик растерянно пожал плечами.

— От нее не было новостей уже несколько месяцев, Андрес, я не знаю, жива она или мертва.

— А мой сын... или моя дочь? — жадно спросил он. — Ему или ей сейчас должно быть больше двух лет...

Маноло сухо оборвал его.

— Ребенок родился мертвым.

Звенящая, наполненная болью тишина оборвала мысли Андреса. Старик цедил слова мучительно медленно:

— Твоя теща, сеньора Николаса, погибла вскоре после переезда в Мадрид. Ее застрелили, когда она стояла в очереди за едой.

Отрешенная холодность старика наполняла его слова молчаливой тенью тоски.

— Бедняжка Мерседес, — пробормотал Андрес в отчаянии и зарылся лицом в ладони. — Если бы только я мог быть рядом.

— Андрес... твоя мать...

Дядя Маноло нерешительно замолчал на мгновение. Андрес встрепенулся, увидев в его глазах боль. Он решил не ходить к матери — слишком дорого бы стоило убедить ее, что он должен вернуться в тюрьму, — и хотел ограничиться простой весточкой, что у него с братом все в порядке и что скоро они живыми и здоровыми вернутся домой.

— Что с ней? — спросил он дрожащим голосом. — Где она?

— Она умерла... Почти год назад.

Андрес почувствовал, как к горлу поднимается горький комок. Сглотнул слюну и попытался сдержать рвавшиеся наружу злые слезы. Потом замер, глядя на сухую сморщенную кожу старика, так напоминавшую ему кожу матери. Он узнал рубашку и пиджак своего отца: когда тот умер, мать отдала сохранившиеся вещи дяде, чтобы Маноло их носил. Ворот рубашки был слишком большим, потому что дядя был ниже и худее отца, и мать тогда несколько дней укорачивала рукава и подшивала штаны. Прошло уже десять лет, но Андрес как сейчас помнил, как в дверь их дома постучали и мать велела ему открыть. Двое мужчин впились в него глазами. За ними нервно переминалась Кордобеса. И тут он увидел тело отца, привязанное к крупу мула. Его голова безвольно повисла, руки упали к земле, ноги окоченели. Они сказали, что отец рухнул, как подкошенный, прямо в поле. Вдова оплакивала его очень долго. Снова улыбаться она начала только к свадьбе Клементе и Фуэнсислы. Появление первых внуков наполнило ее энергией, а свадьба Андреса и Мерседес придала еще больше сил. А потом из нее разом вырвали всю радость жизни, забрав обоих сыновей неизвестно куда.

— Как это случилось?

Старый Маноло пожал плечами.

— Когда она узнала, что вас с Клементе забрали, разом заболела и слегла. Почти ничего не ела, очень похудела и стала похожа на скелет. И плакала, — он поднял брови и покачал головой, — много плакала. Потом глаза ее пересохли, и сама она высохла. В октябре тридцать шестого

всех женщин села эвакуировали, но она не захотела уезжать. Мы три дня прятались в погребе, пока не пришли националисты и мы не смогли вернуться домой. Я предлагал ей поселиться со мной, пока все не кончится, но она не хотела, ты же знаешь, какой она была упрямой. Говорила, что должна быть дома на случай, если вы вернетесь. Целыми днями сидела на пороге, не замечая ни собачьего холода, ни адской жары. Почти не спала, все боялась вас не услышать.

Дядя Маноло надолго замолк, глядя в пустоту, затем поднял лицо и посмотрел прямо Андресу в глаза.

— Однажды я нашел ее мертвой. Ее похоронили рядом с твоим отцом, как она и хотела.

Чувство одиночества сдавило грудь Андресу. Он вдруг понял, что никогда не увидит ребенка, о котором грезил все эти месяцы. «Быть может, он почувствовал, что мир, в который он пришел, слишком ужасен, чтобы в нем жить», — подумалось ему. Андрес не стал отцом и перестал быть сыном, лишившись матери. Он задумался о том, как стойко его мать переносила тяготы войны, не жалуясь на здоровье. О том, как нескончаемое сумасшествие разделяет семьи и сеет смерть от бомб, голода и невыносимой тоски по близким.

Помолчав, Андрес решил еще раз уточнить, куда именно уехала Мерседес.

— Где мне искать Мерседес?

Дядя Маноло немного растерянно посмотрел на него.

— Знаю только, что она жила на улице Хенераль-Мартинес-Кампос, но там ли она еще? Слишком много времени прошло, слишком много всего случилось. Все могло измениться. Когда все закончится, ты сможешь...

Андрес с силой ударил по столу, да так, что зазвенела посуда. Старик, подняв брови, замолк, впрочем, эта вспышка его не удивила.

— Вечно одно и то же... Когда все это закончится... Когда все это закончится... — бормотал Андрес с отчаянием. — Это никогда не закончится... никогда...

Желудок Андреса пронзила резкая боль. Спазм был такой сильный, что он со стоном согнулся пополам.

— Что с тобой?

— У меня болит...

Не закончив фразы, он зажал рукой рот и выпрямился. Но, сделав два шага, снова согнулся дугой, и его стошнило. Старик придержал Андреса за пояс, чтобы тот не упал на пол. С каждой судорогой его напряженное тело изгибалось и с ревом изрыгало из себя все съеденное.

Наконец, полностью опустошив желудок, он обмяк на руках у старика.

— Ты не сможешь вернуться обратно в таком состоянии.

Он усадил его на стул.

— Я должен идти... — прошептал Андрес, пытаясь восстановить дыхание. — Я не могу их бросить... Не смогу жить с этим на совести... Не смогу...

Слезы душили его, из горла рвался горький стон. Он испугался, что не успеет вовремя, чтобы не дать умереть своему брату и другому несчастному. Его побег оказался никому не нужной дурацкой затеей. Он надеялся обрести надежду, чтобы жить дальше, а столкнулся с ужасающей реальностью смерти и отчаяния. Он так и не выяснил, что происходит с Мерседес, узнав только, что она в Мадриде одна, без ребенка, которого он никогда не узнает, без матери. Одна в осажденном городе под обстрелами, без еды, среди бесчисленного множества горестей и бед.

Маноло тяжело повторил:

— В таком состоянии ты никуда не дойдешь.

— Я должен дойти!

Его покрасневшие глаза впились в лицо старика. Тот молча посмотрел в ответ и пробормотал:

— Мысль прийти сюда была сумасшествием...

Андрес раздавленно промочил рот глотком воды и поднялся на ноги, но, наступив на пятку, тут же испустил стон.

- Что с тобой? У тебя идет кровь.
- Ничего страшного, просто порез.
- Дай посмотрю.

Дядя заставил его сесть и снял пропитавшуюся кровью альпаргату. Затем взял свечку и поставил на пол. Убрал с пятки грязную окровавленную тряпку.

- Смотрится неважно, Андрес.
- Не бери в голову, заживет, бывало и хуже.
- Посиди, я обработаю и перевяжу рану...

Андрес оборвал его и убрал ногу.

- Брось, дядя, у меня нет времени, мне нужно идти.

Старик посмотрел на него, скривив рот.

— Ты же знаешь, как говорят хорошие тореадоры: «Спешу, да не торопиться». Если ты действительно хочешь добраться до места, дай мне обработать рану.

Он поднялся, вышел с кухни и почти сразу же вернулся с бинтом и бутылкой.

- Это орухо¹, будет жечь, но заживет быстро.

Открыв бутылку, старик крепко схватил ногу за лодыжку и полил рану. Было так больно, что Андрес почувствовал, что теряет сознание.

— Потерпи немного, скоро это место потеряет чувствительность и боль пройдет, — ловко наложив повязку, дядя дал ему шерстяные носки и другую пару обуви, поновее и получше.

Андрес поднялся и осторожно оперся на ногу под внимательным взглядом дяди.

- Лучше?

Андрес кивнул. Старик расстроено вздохнул, жалея, что не в силах сделать для племянника что-нибудь еще.

— Вот, возьми, здесь одежда и кое-что из еды. Проследи, чтобы Клементе не налегал на нее так же, как ты, чтобы не переводить зря продукты.

Оба посмотрели на покрытый рвотными массами пол.

- Жаль, что так вышло...

---

¹ Виноградный самогон.

— А мне-то как жаль, — согласился старик, — ни тебе на пользу не пошло, ни мне.

— Я должен идти, — произнес Андрес сломленно. — Дядя, если все это закончится плохо... Если со мной что-то произойдет, ты обещаешь позаботиться о ней?

Старик серьезно посмотрел на него.

— Постарайся, чтобы тебя не убили. Ты дотянул до сегодняшнего дня. Осталось чуть-чуть. Это не может продлиться долго.

Затем он открыл дверь, и Андрес едва слышно поблагодарил его.

— До рассвета еще шесть часов, — произнес старик, глядя на звездное небо. — Беги, спасай жизнь своего брата и этого паренька. Давай.

Андрес бросился в поле, думая только о том, что должен успеть. Желудок болел, голова раскалывалась, рана горела огнем. После того, как его стошнило, жажда снова стала нестерпимой.

Силы его были почти на исходе, когда вдали показался силуэт здания профилактория, временно превращенного в тюрьму. Рассвет наступил полчаса назад. Кончик носа и уши Андреса замерзли так, что он их не чувствовал. Наверняка отморозил, потом начнутся зуд и жжение. Но это потом, а сейчас главное — успеть до переключки. «Сегодня воскресенье, — повторял он про себя, наблюдая, как на горизонте медленно встает зимнее солнце. — Даже тюремщики по воскресеньям спят дольше, чем в другие дни». Приблизившись к аллее, скрывавшей его от охранников, он внезапно услышал вдалеке выстрел. Остановился, скованный страхом. Внимательно прислушался. Услышав еще два выстрела, понял, что стреляют не в него, и бросился бежать. Поднялся по склону под окнами барака. Дыхание сбилось, нога сильно болела. Он заглянул в окно, через которое выбрался прошлой ночью. Койки стояли пустыми. Услышав гул толпы, понял, что все во дворе. Прежде чем Андрес успел что-то предпринять, послышались новые

выстрелы, сухие и резкие хлопки, и воцарилась пугающая тишина. Забравшись внутрь, он пересек зал, прыгая по койкам, и вышел в коридор, где оказалось человек сто. Одни стояли, опершись о стену, другие сидели на полу. Потерянный взгляд, отрешенное отчаяние. Через большие окна виднелись остальные заключенные, хаотично кучковавшиеся в большом центральном дворе, окаймленном четырьмя зданиями профилактория.

Андрес потряс головой.

— Переключка уже была?

Мужчина лет тридцати, сидевший на полу с прилипшей к губам самокруткой, равнодушно ответил:

— Сегодня переключки не будет.

— Я слышал выстрелы. Что происходит?

— А где ты был все это время? — спросил его другой заключенный с подозрением.

Но Андрес лишь мельком взглянул на него и снова повернулся к первому говорившему.

— Что происходит?

Тот поднял голову, взял в пальцы самокрутку и выдохнул дым. Непроницаемое лицо, усталый голос.

— Выводка. Этим гадам осталось всего ничего, и они хотят умереть, убивая.

— Выводка?

Андрес растерянно замер. Он знал значение этого слова от других заключенных, которым довелось посидеть в мадридских тюрьмах, прежде чем их перевели в это странное место. Обычно «выводка» происходила среди ночи: тех, кому не посчастливилось, забирали из камер, и никто больше их никогда не видел. За месяцы, проведенные в горах близ Тахуны, с ними ни разу не было ничего подобного. Они полагали, что прогулки в один конец не практиковались, потому что все заключенные были нужны как рабочая сила.

— К чему устраивать это сейчас?

Никто не ответил. Он подошел к двери во двор, но десятки людей, сгрудившихся на пути, мешали пройти

дальше и не давали рассмотреть, что происходит. Андрес повернулся к первому из говоривших, словно никто больше не мог ответить ему.

— Ты знаешь, кому... кому не повезло?

Человек с усталым лицом только пожал плечами и отрицательно покачал головой.

— Какая разнища? Главное, что сегодня, по крайней мере, это не мы.

Нужно было отыскать Клементе. Расталкивая толпу, Андрес протиснулся вперед, жадно выискивая лицо брата среди мириады осунувшихся и грязных лиц, сведенных временем к одному знаменателю. Прозвучало еще три выстрела, и тут же, словно рефлекторно, все взволнованно обернулись на звук и настороженно замерли. Вдалеке были слышны голоса, крики страха, парализующего ужаса встречи лицом к лицу со смертью. Но остальные заключенные, согнанные, как скот, в тесном сером дворе, казались нечувствительными к жуткой окружающей действительности. Упорно пробиваясь вперед, Андрес получал толчки и удары локтями, но остановился, только оперевшись в стоявший стеной строй ополченцев, угрожающе целившихся в заключенных и не дававших им пройти в другой двор, чуть поменьше. Андрес понял, что казнь происходит именно там. Он попытался увидеть что-нибудь поверх голов охраны, но один из ополченцев грубо оттолкнул его назад. Не ожидавший этого Андрес подскочил обратно к обидчику. Их лица почти касались друг друга.

— Что? — сплюнул охранник, поднеся ствол винтовки к его лицу. — Тоже хочешь туда?

Андрес отстранился не сразу. Он чувствовал дыхание тюремщика. Тот был чуть выше ростом, со светлыми глазами. Лицо его было искажено необъяснимой злостью. Андрес вдруг подумал, что и заключенные, и те, кто их охранял, были наполнены этой холодной нечеловеческой злобой, выросшей из обид и отчаяния долгих недель и месяцев.

Чья-то рука ухватила его за плечо и потащила назад. Андрес позволил ей увлечь себя. Ополченец стоял на

месте, подняв голову и держа руку на спусковом крючке, готовый стрелять.

— Андрес, оставь его.

Он обернулся и увидел Фермина Санчеса.

— Мой брат? — нетерпеливо спросил Андрес. — Где мой брат?

Фермину Санчесу едва перевалило за пятьдесят. Это был высокий и худой мужчина с длинными руками. Его некогда хорошо сложенное, мощное тело превратилось из-за голода в жалкий скелет. На лице его блестели темные глаза, густые черные брови увенчивались сверху поредевшими и побелевшими за месяцы заключения волосами.

— Где тебя носило? Тебя нигде не было.

— Это неважно. Ты видел моего брата? Не могу его найти.

Фермин бросил поверх плеча Андреса взгляд на место, откуда доносились выстрелы и крики. Андрес обреченно обернулся, чтобы посмотреть туда же. Затем снова повернулся к Фермину.

— Мне сказали, что они устроили выводку.

Фермин кивнул, продолжая смотреть поверх голов охраны.

— Они пришли, когда мы спали. Назвали пятьдесят имен...

У Андреса к горлу подкатил ком.

— Фермин, мой брат...

Фермин опустил глаза.

— Клементе был в их числе.

— Нет!

Андрес отреагировал так резко, что его не успели остановить. Он бросился на строй ополченцев. Тут же начался переполох. Солдаты отпихивали его и взводили винтовки, а Фермин и еще двое заключенных пытались оттащить Андреса от стражи.

— Клементе, — крикнул он изо всех сил, вытянув шею, не переставая при этом бороться с теми, кто удерживал его. — Клементе, я здесь! Клементе!

Его вопль эхом отразился во мраке двора, погруженного в гробовое молчание. Казалось, тысячная толпа замолкла, чтобы дать братьям попрощаться.

— Андрес! — голос брата по ту сторону прохода парализовал его. Он не видел его, но отлично слышал. — Андрес, они убьют меня...

— Клементе! Я здесь!

— Андрес! Позаботься о Фуэнсисле, скажи ей, что я люблю ее, защити моих...

В этот момент раздался выстрел и за ним еще более ужасная тишина. Андрес напрягся, надеясь снова услышать голос брата.

— Клементе! — крикнул он в отчаянии. — Клементе!

Андрес не увидел удара прикладом, который нанес ему один из ополченцев. Только почувствовал резкую боль в носу и скуле и упал на колени, поднеся руки к лицу.

— Если не заткнешься, отпавишься туда же и составишь ему компанию.

Андрес не видел, кто на него кричит. Ощупав нос, он почувствовал, как из него льется кровь. И ощутил, как внутри разгорается смесь из бессилия, физической боли, страданий и тоски. Собравшись с силами, он бросился на стоявшего перед ним ополченца.

Раздался выстрел и наступили темнота, тишина и пустота.

Мадрид, январь 2010-го

Фотография

Эта потрепанная металлическая коробка почему-то сразу же привлекла мое внимание.

— Сколько стоит?

— Двадцать пять евро. Немного дороже остальных, но зато с содержимым.

— Каким содержимым?

— Посмотрите сами.

И продавец протянул ее мне.

Я открыл коробку, и первым, что бросилось мне в глаза, оказалась черно-белая фотография молодой пары. Достав и перевернув ее, я увидел, что на бумаге карандашом элегантно почерком написаны два имени — Мерседес и Андрес, место — Мостолес, и дата — 19 июля 1936 года. Затем я изучил остальное содержимое: несколько писем, перехваченных бечевкой. Уже не сомневаясь, я положил фотографию обратно в коробку и закрыл ее.

— Беру.

Я всегда любил гулять вдоль наседаящих друг на друга лавочек на мадридском Эль-Растро¹. Обычно я приходил рано, когда магазинчики только открывали свои двери, а уличные торговцы заканчивали раскладывать товар. Пройдя по Рибера-де-Куртидорес до перекрестка с Сан-Кайетано, я оказывался у спрятавшегося в укромном уголке старого узкого и длинного прилавка двух братьев Абея и Лало. У них всегда играл Бах или оперная музыка, что придавало этому месту налет то ли богемности, то ли ретро. К тому же оно стояло слегка в стороне от людской толчеи, начинавшейся с одиннадцати утра. Все равно, что оказаться в тихой заводии на быстрой и бурной реке. Я обводил взглядом предметы старины, выложенные в кажущемся беспорядке, который, однако, повторялся из воскресенья в воскресенье: столовые приборы всех сортов, тарелки, большие супницы, кувшины, хрустальные бокалы, фарфоровые фигурки, бронзовые статуэтки, большие, маленькие, настольные и карманные часы, деревянные ламповые радио пирамидальной и прямоугольной формы, броши, браслеты, шпильки, разноцветные бутылки странных форм, одетые в старинные платья куклы с застывшими лицами, открытки, фотографии. Старый подержанный хлам, всякая рухлядь

---

¹ Мадридский блошинный рынок.

и личные вещи, принадлежавшие когда-то мужчинам и женщинам, которых уже нет, выставленные на продажу как странное наследие их повседневности. Я всегда был убежден, что эти потрепанные старые вещи во многом отражают суть своих бывших хозяев. Касаясь их, я пытался представить себе, какой была жизнь их владельцев, какие препятствия и радости встречались им на жизненном пути, что за события видели их глаза. Рисовал в голове их лица, внешность, осанку. Долго рассматривал выцветшие коричневатые фотографии с запечатленными на них строгими, серьезными, улыбчивыми, спокойными или напуганными людьми, пытался почувствовать частичку их души, схваченную вспышкой фотоаппарата. Я никогда не уходил с пустыми руками: иногда это была открытка за один евро, иногда шпилька за три или трость за пятьдесят. Торговаться я не любил. Хозяева знали меня достаточно, чтобы давать хорошую цену, по крайней мере, так говорили они сами, а я хотел им верить и не испытывал ни малейшего желания спорить с кем-то, чтобы сэкономить несколько евро.

Вернувшись домой, я прошел с коробкой в руках к себе в кабинет и поставил ее на стол у компьютера. Не глядя на нее, скинул пальто, бросив его на кресло для чтения. И только после этого сел за стол, снедаемый зудом искателя сокровищ. Жестяная светло-бежевого цвета коробка была украшена незамысловатыми маленькими птичками, сидящими на крошечных зеленых ветвях, отходивших от тоненького коричневого ствола. Время поело ржавчиной ее грани, но в целом она оставалась в хорошем состоянии и не была ни мятой, ни поцарапанной. Я снова открыл крышку и достал фотографию, отпечатанную на твердом и уже немного помятом картоне и обрамленную в тонкую белую рамку.

— Так, значит, вы — Мерседес и Андрес, — пробормотал я.

Фотография была сделана не в ателье. Мужчина и женщина позировали на фоне фонтана с трубами в форме

гигантских рыб. Оба пристально смотрели в объектив фотоаппарата. Я попытался представить себе, как снимали эту фотографию. Мужчина одет в темный костюм и галстук, отчетливо выделяющийся на фоне светлой рубашки, на ней — свободное платье в цветочек с коротким рукавом, талия поднята к груди, низ заканчивается у колен. Складывалось впечатление, что она надела его специально для этого случая. Оба были молоды, хотя характерная для того времени одежда маскировала их возраст.

Я достал остальное содержимое: стопку из восьми конвертов, перехваченных тонким шнурком. В них оказались написанные от руки письма, адресованные Андресом Абадом Родригесом Мерседес Манрике Санчес, Мостолес, улица Иглесиа. Точного адреса указано не было. Я развязал шнурок и взял в руки первый из конвертов. Достал из него свернутый в четвертушку лист бумаги и медленно развернул его. Бумага была плохого качества, крошилась и, казалось, вот-вот рассыплется у меня в руках. Письмо занимало одну сторону листа и было написано карандашом. Тот же дрожащий и неровный почерк, что и на конверте, совсем не такой, как на обороте фотографии. Я начал неторопливо читать текст, испытывая некоторое неудобство от того, что вторгаюсь в чужую переписку. Ознакомившись с содержанием последнего из писем Андреса, я поднялся, чтобы приготовить себе кофе. Честно говоря, я был разочарован, поскольку надеялся обнаружить в письмах что-нибудь более интригующее. Когда заглядываешь в чужую жизнь, всегда хочется обнаружить что-то, что оправдало бы вмешательство, что-нибудь необычное, удивительное, что-нибудь, ради чего стоит читать, искать и раскрывать. А когда этого не происходит, чувство вины за ненужное и бесполезное вторжение тяжким грузом ложится на совесть.

Я был один. По воскресеньям Роса ко мне не приходила. Росу оставила мне в наследство Аврора, моя жена, которую я потерял пять лет назад. Болезнь забрала ее в возрасте каких-то тридцати пяти лет, меньше чем за че-

тыре месяца, прежде чем мы успели отпраздновать шестую годовщину нашей свадьбы. Я плохо помню те тяжелые дни: они отпечатались в моей памяти как что-то чужое, грубое и стремительное, и время мало-помалу размывало и растворяло эти воспоминания, как сахар в кофе. Стоит отхлебнуть его, и ты чувствуешь сладость (в моем случае — горечь), но того, что придает ее, уже не видно. За несколько дней до того, как уйти от меня навсегда туда, откуда не возвращаются (никто, ни молодежь, ни старики никогда не приходят обратно, чтобы рассказать о том, что они увидели за чертой, если там вообще что-то можно увидеть, и поведать, что происходит с телом, если с ним еще что-то происходит, когда оно теряет свою суть и превращается в инертную бессильную плоть), она попросила меня пообещать несколько вещей, не оставив возможности отказаться. Среди прочего, она потребовала, чтобы я продолжал пользоваться услугами Росы: жена боялась, что в ее отсутствие я перестану следить за собой. И действительно, благодаря помощи этой заботливой, тихой и благоразумной женщины, с которой я лишь изредка перебрасывался парой общих слов, за прошедшие пять лет я не умер от голода, не оказался погребен под слоем пыли и не зачах от одиночества.

Впрочем, присутствие Росы в моей жизни было не единственным волеизъявлением Авроры. Люди, на долю которых выпало спорное преимущество знать, что они умирают, любят давать поручения и распоряжения, организовывать и приводить в порядок свои дела прежде, чем их не станет, хотя потом все остается незавершенным, недоделанным и подвешенным, особенно если это молодые люди, такие как она. Одной из ее просьб было, чтобы я бросил работу учителя литературы в школе Колехио-дель-Пилар и целиком посвятил себя писательству, потому что это было моим настоящим призванием. Я хотел стать писателем с отрочества, когда зачитывался приключенческими романами Жюль Верна, Сальгари и Стивенсона. Но пока что мне удалось опубликовать

только один роман в маленьком небогатом издательстве и очень небольшим тиражом. Когда это случилось, я на какое-то мгновение почувствовал, что моя мечта воплотилась в жизнь, ведь все мои предыдущие рукописи оседали в темнице ящика письменного стола. Но успех оказался иллюзией, химерой, наградившей меня еще большим ощущением полного провала в качестве писателя. Моя книга промелькнула в нескольких книжных магазинах, постояв на витринах чуть больше недели, и потом исчезла. После этого я снова вернулся к остракизму, который, если это вообще возможно, оказался еще горше прежнего. И все потому, что, несмотря на предупреждения Авроры, так и не смог отказаться от ложных иллюзий. Хотя мы прожили вместе чуть больше десяти лет, она отлично знала меня и то, как меня выводили из себя уроки для брызжущих гормонами подростков, в большинстве своем знавших больше о новомодных гаджетах, чем о Сервантесе, и в лучшем случае прочитавших (с неподдельным, впрочем, интересом, не могу не отдать им должного) сагу о Гарри Поттере. Аврора была уверена, что, когда ее не станет, глубокое раздражение, вызываемое самими занятиями в школе и временем, которое они отнимали у меня от чтения и писательства (я нередко искренне и с отчаянием жаловался ей на это), приведут меня к краю пропасти разочарования, и не собиралась этого допустить. Поэтому она выбрала самый подходящий момент, чтобы предложить мне бросить преподавание: я никогда бы не согласился на это, если бы не присутствие смерти, неотвратимая угроза ее ухода и моральные обязательства, накладываемые на меня страшным прощанием. Мне показалось, что она обдумала все давным-давно, гораздо раньше, чем ее одолела внезапно сбросившая маску и яростно атаковавшая предательская болезнь (она будто предчувствовала ее). Она настояла, чтобы нашу квартиру (доставшуюся ей в наследство от матери, скончавшейся много лет назад) записали на мое имя, сделала на меня дарственную, рассчитала мои доходы, кругленькую сумму,

составленную пенсией по потере супруги и процентами от сбережений после продажи моей холостяцкой квартиры. Через несколько месяцев после того, как я стал вдовцом (страшное и болезненное слово, которое я так и не научился произносить), я сдержал свое обещание, оставив уроки и начав молчаливую, одинокую и, прежде всего, спокойную жизнь писателя.

Опершись локтями о стол и держа в ладонях дымящуюся чашку кофе, я вглядывался в лица пары на выцветшей фотографии и размышлял, что произошло с ними после того, как вспышка камеры обессмертила их, чтобы спустя семьдесят четыре года я с ними познакомился.

У меня было два лица, два имени, один населенный пункт и скудные по своему содержанию письма: Андрес из раза в раз писал, что с ним все в порядке (меж строк я чувствовал, что он пытается скрыть от Мерседес действительное неприглядное положение дел), что она не должна тревожиться о нем и что ей следует беречь себя. С ним вместе, по всей видимости, был его брат по имени Клементе, которого он неоднократно упоминал, чтобы успокоить родню. Он уверял, что скоро они снова встретятся и все вернется в норму, говорил, что мечтает увидеть лицо их мальчика или девочки, если все вышло так, как мечтала Мерседес. Обычные письма для того времени: святая простота, лаконичные, чем-то напоминающие школьные сочинения. И все же Андресу не удалось скрыть выпавших на его долю невзгод, которыми сочилась буквально каждая буква. Написанные нетвердой рукой слова отражали сумятицу чувств. По датам, проставленным в начале каждого письма (все воскресенья сентября и октября 1936 года, первое — 6 сентября, а последнее — 25 октября), я предположил, что, скорее всего, он оказался на фронте вдали от жены и от дома.

Я откинулся на стуле. В моей голове рождалась необычная история этой пары, удивительная история, которая ляжет в основу моего великого романа. И хотя реальность указывала мне на то, что рассказывать здесь

почти нечего, в их лицах, в их черно-белых взглядах было что-то такое, что толкало меня узнать больше об Андресе и Мерседес, запечатленных на семидесятичетырехлетней фотографии в некогда крошечном селе Мостолес в нескольких километрах от Мадрида.

«Все равно что искать иголку в стоге сена», — подумал я обреченно.

ИСПАНЦЫ, чрезвычайная критическая ситуация, в которой оказалась Испания, анархия, в которую погрузились города и села, и несомненная угроза нашей Родине со стороны внешнего врага не позволяют терять ни минуты и требуют, чтобы армия во имя спасения нации взяла на себя управление страной, дабы впоследствии, когда мир и порядок будут восстановлены, передать его подготовленному для этой цели гражданскому населению. В свете этого и в качестве руководителя подчиненной мне Дивизии,

ПОСТАНОВЛЯЮ И ПРИКАЗЫВАЮ

Первое: объявить военное положение на всей территории, подконтрольной моей дивизии.

Второе: окончательно отменить право на забастовку. С завтрашнего дня руководители профсоюзов, члены которых выйдут на забастовку или не прекратят таковую и не выйдут на работу, будут переданы военному суду и расстреляны.

Третье: в течение четырех часов все огнестрельное оружие должно быть сдано в ближайшее отделение Гражданской гвардии. По прошествии этого времени лица, уличенные в ношении или хранении огнестрельного оружия, также будут переданы военному суду и расстреляны.

Четвертое: поджигатели и лица, любым иным образом ведущие подрывную деятельность в отношении дорожной сети, средств связи, жизни и имущества граждан, а также все лица, нарушающие общественный

порядок на территории данного образования, будут переданы военному суду и расстреляны.

Пятое: в незамедлительном порядке в ряды подразделений настоящего образования включаются солдаты XVII призывного округа, срочники призыва 1931–1935 годов включительно и все добровольцы, желающие служить Родине.

Шестое: с девяти часов вечера и далее запрещается перемещение лиц и транспортных средств по делам, отличным от служебных.

Я надеюсь, что патриотизм всех испанцев избавит меня от необходимости принятия перечисленных мер во благо Родины и Республики.

*Севилья, 18 июля 1936 года.
Дивизионный генерал Гонсало Кейпо де Льяно¹.*

---

¹ Испанский генерал, один из руководителей восстания 1936 года. Участник гражданской войны в Испании на стороне франкистов.